

Юлия ОВСЯННИКОВА
Фото Леонида СМИРНОВА/
РИА «Верхневолжье»

Исторический момент сейчас таков, что любое патристическое высказывание в сфере культуры – тем более с театральными подмостков – обречено на успех. И все же: возвращение премьеры 2017 года по пьесе Виктора Розова «Вечно живые» в Тверском драматическом театре, да еще в особый день, 23 февраля, было довольно серьезной и смелой заявкой.

Шутка ли: пьесе в этом году исполняется ровно 80 лет, и в ее сценической

полняет свой врачебный долг, но и делает правильный выбор в сложных с моральной точки зрения ситуациях: переступая через ревность, обиду за брата, чисто женскую зависть.

Но вот что интересно: в этой бесхитростной типизации, где вместо сложнотроенных людей нам показали лавочницу, инфантилку, карьериста, честных трудяг, забалованную звезду, вдруг обнаружилась сермяжная правда 2023 года. И фамилия «Лещенко», мелькнув в перечне звезд, чьи пластинки рекомендует послушать Антонина Монастырская, проводит жирную прямую линию от 1943

Вечно живая: пьеса Розова опять срывает овалы

По следам беспримысленной премьеры в Тверском драмтеатре

ценарии. Так, один из центральных персонажей, Борис, талантливый ученый, который добровольно ушел на фронт и был предан своей невестой, погибает в начале пьесы – и проводит совсем немного времени на сцене. Реплики в его уста вложены совершенно резонерские, и доработать этот скучноватый положительный образ до харизматичного романтика мог разве что великий Алексей Баталов. А чтобы советский зритель смог разглядеть в Веронике-Белке, вышедшей замуж за вероломного Марка, брата Бориса, мятущую совестливую душу, обманутую идеалистку, чтобы смог почувствовать ее внутренним мукам, понадобился великий талант Татьяны Самойловой и доработка мотивов в киносценарии.

*Крылатые,
Носатые,
Квакушек увидали,
Спустились,
Сиделись,
И сотни их пожрали.
Что квакушки,
Зевакушки,
Чего вверх не смотрели?
Всё прыгали,
Да шмыгали,
Вот вас за то и съели.*

И действительно, Вероника-Белка в версии Тверского драмтеатра проходит свои мытарства заслуженно, по делу. Почему она так и не пошла провожать Бориса на фронт, оставшись с болтливым Марком? Как и почему сошлась с этим явно несимпатичным персонажем, открыто ненавидящим брата, при каких обстоятельствах? Почему

она оказалась нахлебницей, ничего не умея? Безвольную, инфантильную героиню история носит как щепку, и единственная надежда в финале – внезапно взрослые равнодушные интонации, с которыми она читает любимое стихотворение. Выросла, повзрослела, теперь все будет по-другому?

Уходит куда-то в одинокую жизнь (не исключено, что вполне успешную) беспринципный Марк. Ни он, ни его хитроумный начальник Чернов, по большому счету, не наказаны за свои черные дела. Светлые пятна в пьесе Розова и в спектакле Тверского драмтеатра – вернувшийся с фронта Владимир Ковалев, который теперь будет жить за себя и за того парня (Бориса), и сестра Бориса Ирина. Она не только честно ис-

года, когда писалась пьеса Розова, к дням, когда российское общество вновь проверяется фронтом. А следование за автором не оставляет ни тени сомнений в позиции театра, труппы, режиссера.

Овалы в финале лучших соцпросов доказывают, на чьей стороне в споре «вечно живых» и «мертвых душ» тверской зал. И так ли важно в данном случае, что и пьеса Розова, и ее постановка в драмтеатре – это, в первую очередь, важные социальные, общественные высказывания, к которым не стоит даже подходить со строгими мерками искусства. Что персонажи второго ряда в спектакле порой ярче, интереснее, харизматичнее, чем резонерствующие «отличники» в исполнении молодых восходящих звезд драмтеатра. Что желание расставить персонажей по полкам порой скатывается в фарс: впрочем, именины Монастырской и в пьесе Розова – сплошная буффонада.

Но вот открытие-2023: есть такие времена, когда социальный заказ, о котором мы привыкли десятилетиями говорить как-то свысока и сквозь зубы, не просто нормален – необходим и крайне показан. А пьесы на злобу дня, давно негласно списанные в архив, вдруг оказываются живее всех живых – благодаря человеческим слабостям, силе и, конечно же, невыученным историческим урокам.

судьбе (не говоря о кинематографической!) есть совершенно легендарные страницы. Достаточно вспомнить, что именно с розовскими «Вечно живыми» открывался театр «Современник» под руководством Олега Ефремова, а постановка стала классикой. Но если кто-то из широкой публики вполне может и не знать об этой интересной вехе бытования пьесы Розова, то уж «Летят журавли» – великое кино Калатозова, получившее «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля 1958 года, смотрели все. А если не все, то старшее поколение – точно.

С тех пор много лет казалось, что потенциал пьесы исчерпан и «Вечно живых» можно сдавать в архив вместе с целым огромным пластом советской драматургии 1940–1950-х годов – раз ее социальный пафос больше неактуален, а более исчерпывающего высказывания на тему противоречивой внутренней жизни человека в эпоху испытаний, чем «Летят журавли», быть попро-

сту не может. Не случайно и вполне добротный спектакль Тверского драмтеатра, поставленный в 2017 году, находился в тени других, более ярких и обсуждаемых постановок.

Но в 2022 году началась спецоперация на Украине, в нашу жизнь вернулись позабытые фронтовые реалии, и пьеса Виктора Розова, похороненная целыми поколениями театралов и критиков, вдруг оказалась необычайно актуальна. И вот что интересно: пьеса Розова, конечно, уступает его же позднему послевоенному киносценарию в психологизме, в глубине образов, в проработке мотивов. Но именно ее взял за основу для своего спектакля режиссер Александр Павлишин, не уклонившись от текста ни на йоту – так, словно и не было никакого калатозовского киношедевра.

Конечно, столь буквальное следование за автором обнажило схематизм пьесы и те пустоты, которые позже сам Розов поправлял в кинос-

ценарии. Так, один из центральных персонажей, Борис, талантливый ученый, который добровольно ушел на фронт и был предан своей невестой, погибает в начале пьесы – и проводит совсем немного времени на сцене. Реплики в его уста вложены совершенно резонерские, и доработать этот скучноватый положительный образ до харизматичного романтика мог разве что великий Алексей Баталов. А чтобы советский зритель смог разглядеть в Веронике-Белке, вышедшей замуж за вероломного Марка, брата Бориса, мятущую совестливую душу, обманутую идеалистку, чтобы смог почувствовать ее внутренним мукам, понадобился великий талант Татьяны Самойловой и доработка мотивов в киносценарии.

Вероника-Белка в спектакле Тверского драмтеатра совсем другая. Она инфантильна, бездумна, эгоистична. И далеко не случайно белые бумажные журавлики, с которыми она бесконечно играет, и стихи о журавликах, которые она скороговоркой читает, здесь не светлый символ души и надежды, а знак тревоги, неотвратимого Рока, наказания за бездумную, безвольную и беспечную жизнь, которое обязательно будет. Да и милое стихотворение о «журавликах-кораблях», которые «плывут под небесами», оказывается мрачным и трагичным:

